

• ХИТЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОЗЫ •

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ СЕРИИ

Джоанн ХАРРИС

Шоколад

Кошка, шляпа и кусок веревки

Чай с птицами

Софи КИНСЕЛЛА

Шопоголик среди звезд

Гийом МЮССО

Зов ангела

Бумажная девушка

Эй. Джи. РИЧ

Рука, кормящая тебя

Кейт МОРТОН

Дом у озера

Хранительница тайн

Лиз ДЖЕНСЕН

Девятая жизнь Луи Дракса

Джессика КНОЛЛ

Счастливые девочки не умирают

Энн ЖИРАР

Мадам Пикассо

Валери ТОНГ КУОНГ

Мастерская чудес

Хенк ФИЛИППИ РАЙАН

Другая женщина

Иэн БЭНКС

Осиная фабрика

Чарльз МАРТИН

Между нами горы

Когда поют сверчки

ФИОНА БАРТОН

Вдова

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б26

Fiona Barton
THE WIDOW

Copyright © Fiona Barton, 2016.
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Ltd and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Н. Флейшман*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Бартон, Фиона.

Б26 Вдова : [роман] / Фиона Бартон ; [пер. с англ.
Н. Флейшман]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 480 с.— (Хиты зарубежной прозы).

ISBN 978-5-04-088772-9

Жизнь скромной и тихой Джин — примерной жены Глена Тейлора — изменилась в тот день, когда в городе пропала маленькая девочка, а в дверь к супругам постучалась полиция. Ее идеального мужа обвинили в похищении. Конечно же, это ошибка, Глен и мухи не обидит. Так она и говорила всем вокруг.

А теперь муж мертв, можно уже не таиться. Столько людей хотят услышать правду, узнать, что произошло на самом деле и каково это — жить с чудовищем. Слово за несчастной вдовой, которая давно поняла, что может заставить людей поверить во что угодно. Но кого легче обмануть — других или себя?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-088772-9

© Флейшман Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается
Гарри, Тому и Люси,
без которых все на свете
теряет значение*

От автора

Дорогой читатель!

Мне привелось довольно долгое время наблюдать за людьми. Причем не просто где-нибудь в кафе или на вокзале — а по работе. Будучи журналистом, я сделалась, можно сказать, профессиональным наблюдателем («наторелым следаком», как шутим мы между собой), научившись читать язык тела, улавливать малейшие жесты, подмечать характерные для каждого словечки, интонации — то есть видеть и слышать все то, что делает нас столь неповторимыми и интересными для других.

Долгие годы мне доводилось брать интервью и у жертв преступлений, и у осужденных, у людей весьма известных и самых обычных, у тех, кого настигла трагедия и кто встретил на своем пути добрую удачу. Но, странное дело, далеко не всегда мне запоминались люди, притянувшие к себе всеобщее внимание. В память подчас особенно врезались как раз те, что оказывались на периферии событий, — второстепенные участники разыгравшейся драмы. Некоторые и до сих пор встают у меня перед глазами.

На громких судебных процессах, где разбирались ужасные преступления, потрясавшие общественность и мелькавшие в первых заголовках новостей, я всякий

раз ловила себя на том, что наблюдаю за женой сидящего на скамье подсудимых, подспудно задаваясь вопросом: а что на самом деле ей известно, что она позволяет себе знать?

Вы тоже вполне можете наблюдать такую женщину, к примеру в теленовостях, и, как бы внимательно ни вглядывались, ничего не различите. Вот она тихонько стоит возле своего мужа на ступенях здания суда. Тот настаивает на своей невиновности, и она кивает и пожимает ему руку, потому что полностью верит в него.

Но что происходит, когда от нее убирают телекамеры, когда весь мир перестает за ней следить?

Передо мной встает привычная вроде бы картинка: вот эти двое у себя дома едят обыкновенный «пастуший пирог», как и любая семейная пара с их улицы. Но они совершенно не способны друг с другом говорить. Единственный звук, доносящийся от их стола, — это скрип ножей и вилок по фарфору, в то время как сами они борются с сомнениями и подозрениями, упрямо просачивающимися под дверь их жилища.

Потому что в отсутствие каких-либо свидетелей и всего, что отвлекает внимание, маски неминуемо сползают с лица.

Мне все время хотелось узнать — более того, я испытывала в том неодолимую потребность, — как такая женщина уживается с мыслью, что ее муж, ее избранник может оказаться страшным чудовищем.

Так появилась Джин Тейлор — тихая женщина, из тех, что я так часто видела на ступенях суда. Привлекшая мое внимание жена, с непроницаемым лицом наблюдающая, как ее муж дает показания.

В этом первом моем романе Джин рассказывает как предназначенную для публики, так и глубоко личную историю о любимом супруге и их почти счастливом браке, который словно опрокинулся вверх дном в тот день, когда в городе исчез маленький ребенок, а у их порога появились полицейские и журналисты.

Надеюсь, вам понравится моя книга. Писала я ее с большим удовольствием, за что безмерно благодарна своей героине Джин Тейлор и всем тем женщинам, что вдохнули в нее жизнь.

Фиона Бартон

Глава 1

Среда, 9 июня 2010 года

Вдова

Слышно, как она с хрустом приближается к дому по гравийной дорожке. Сурово как ступает на высоких каблуках! Вот она почти у двери — словно еще колеблясь, приглаживает волосы, убирая пряди с лица. Весьма неплохо одета: пиджак с крупными пуговицами, под ним вполне приличное платье, очки приподняты на голову. Явно не свидетельница Иеговы и не лейбористка. Скорее всего, одна из журналистской братии, просто какая-то необычная. За сегодня это уже второй визит прессы — и четвертый на неделе. И это у нас еще среда! Держу пари, она скажет: «Простите, что беспокою в столь нелегкое для вас время». Они все так говорят, делая при этом самое что ни на есть глупое лицо. Вроде как соперживают.

Подожду — любопытно, позвонит ли она второй раз. Приходивший утром мужчина этого делать не стал. Некоторым откровенно бывает до смерти тоскливо пытаться ко мне попасть. Едва коснувшись пальцем звонка, они разворачиваются и спешно утывают по дорожке, запрыгивают в машину и укатывают прочь. Наверняка тут же отзваниваются своему

начальству: дескать, стучались в дверь, но ее не оказалось дома. Какая жалость!

Эта звонит дважды. Потом громко и решительно стучится — тук-тук-тук-тук! Точно полицейский. Внезапно замечает мое лицо в просвете сбоку от гардины и расплывается. Голливудской улыбкой, как сказала бы моя матушка. Затем стучится снова.

Когда я не выдерживаю и открываю дверь, она протягивает мне стоявшую у порога бутылку молока:

— Вряд ли стоит его здесь держать: может скинуть. Можно мне войти? Чайник вы случайно не ставили?

Я не в силах даже нормально дышать, не то что говорить. Она снова расплывается в улыбке, склонив голову набок.

— Я Кейт, — представляется, — Кейт Уотерс, корреспондент газеты *The Daily Post*.

— А я... — открываю рот, тут же спохватываясь, что меня она о том не спрашивала.

— Я знаю, кто вы, миссис Тейлор, — говорит гостья.

«Газетный материал» — слышится за этими словами.

— Давайте все-таки не будем стоять на пороге, — добавляет она, как-то между прочим просачиваясь в дом.

Я настолько поражена подобным поворотом, что не могу вымолвить ни слова, и мое изумленное молчание она расценивает как разрешение отнести в кухню бутылку молока и заварить мне чаю. Я недоуменно следую за ней. Кухня у меня небольшая, и

вдвоем нам делается немного тесно, поскольку Кейт начинает там суетиться, наливая чайник и открывая все шкафчики подряд в поисках чашек и сахарницы. Я же просто стою, ничуть не вмешиваясь в происходящее.

Она весело щебечет о моем кухонном убранстве:

— Как у вас тут мило, какая свеженькая обстановка! Вот бы мне такую кухню! Вы тут все сами устроили?

Такое ощущение, будто я разговариваю с подружкой. Совсем не так я представляла себе встречу с прессой. Я ожидала, это будет больше походить на общение с полицией. Что меня ждет сущее мучение, настоящий допрос. Так, по крайней мере, говорил мой муж. Но, как ни странно, все оказалось совсем иначе.

— Да, — киваю ей, — мы выбрали гарнитур с белыми дверцами и взяли к нему красные ручки, потому что это выглядело удивительно опрятно.

Подумать только! Я стою посреди собственного дома с газетчицей, обсуждая с ней отделку своей кухни! У Глена точно бы случился припадок.

— Мне сюда? — спрашивает гостя, и я открываю дверь в гостиную.

Не могу с уверенностью сказать, против ли я, чтобы она туда зашла. Трудно понять, что я вообще в эту минуту чувствую. К тому же сейчас как будто не лучший момент, чтобы возмущаться: она просто садится с чашкой чая в руке и болтает без умолку. Забавно, но мне как будто даже нравится внимание к моей персоне. Теперь, когда не стало Глена, я ощущаю себя немного одиноко в этом доме.

Дамочка, похоже, из тех, что умеют править ситуацией и брать дело в свои руки. И на самом деле это даже здорово, что кто-то вновь готов мною руководить. Когда мне пришлось в одиночку разбираться со всем, что на меня свалилось, я едва не поддалась панике. Но Кейт Уотерс говорит, будто сумеет разрулить мои проблемы.

И все, что от меня требуется, уверяет она, это рассказать ей о своей жизни.

О моей жизни? Но ведь на самом-то деле обо мне ей знать и неинтересно. Она явилась к моему порогу вовсе не за тем, чтобы слушать историю Джин Тейлор. Она рассчитывает узнать правду о нем. О Глене. О моем муже.

Понимаете, три недели назад мой муж погиб. Его сбил автобус прямо возле супермаркета «Сейнсбери». Все произошло невероятно быстро: вот он стоит рядом со мной, ворча, что я купила не те хлопья, — и в следующую минуту он уже мертв. Обширная черепно-мозговая травма, как мне потом объяснили. Так или иначе, его вдруг не стало. Оцепенев на месте, я просто стояла и смотрела, как он лежит на асфальте. Люди кинулись искать, чем бы его прикрыть. На тротуаре оказалось немного крови. Совсем немного — Глен остался бы доволен. Он вообще не выносил пачкотни и грязи.

Все были так милы и внимательны со мной, все пытались убедить меня не смотреть на его тело. Но не могла же я сказать им, что на самом деле только рада его уходу! Что больше уже не будет этой его причуды.

Глава 2

Среда, 9 июня 2010 года

Вдова

Разумеется, полиция тут же наведальась в больницу. Даже детектив Боб Спаркс заявился в отделение «неотложки», чтобы поговорить со мной о Глене.

Я ничего не стала рассказывать — ни ему, ни кому-либо другому. Мол, говорить мне не о чем, и вообще, я слишком расстроена, чтобы о чем-то толковать. Всплакнула даже малость.

Инспектор Боб Спаркс давно уже прочно вошел в мою жизнь — уже более трех лет тому назад, — хотя с твоим уходом, Глен, он, надо думать, из нее исчезнет.

Ничего этого я, естественно, Кейт Уотерс не говорю. Мы сидим с ней в креслах гостиной, и она легонько покачивает ножкой, обхватив ладонями кружку с чаем.

— Джин, — подает она голос, уже не обращая ко мне как к «миссис Тейлор», — последняя неделя была для вас, наверное, особенно ужасной? И это при том, что вам уже довелось пережить.

Я молчу в ответ, глядя себе в колени. Она даже представить себе не может, что я пережила. Да и никто на самом деле этого не знает. Я так никогда и не сумела кому-то об этом рассказать. Глен говорил: молчание лучше всего.

Некоторое время мы сидим в безмолвии, после чего гостя решает сменить тактику. Она встает с кресла и берет с каминной полки наше с Гленом фото, где оба мы чему-то смеемся.

— Вы здесь такие молодые. Это еще до того, как вы поженились?

Киваю.

— А вы до этого долго друг друга знали? Еще со школы?

— Нет, не со школы. Мы встретились однажды на автобусной остановке, — начинаю рассказывать я. — Он был очень симпатичным и сумел меня там чем-то рассмешить. Мне тогда было семнадцать, я стажировалась в парикмахерской в Гринвиче, а он работал в банке. Он был немного меня старше, носил солидный костюм и дорогие ботинки. Вообще, сильно от меня отличался.

Я стараюсь придать своим словам этаким романтический налет, и Кейт Уотерс тут же на это клюет — что-то быстро строчит в блокноте, взглядывая на меня поверх своих очочков, и этак понимающе кивает. Но меня-то этим не проведешь!

На самом деле ничего такого уж романтического в Плене не было. Свидания наши проходили главным образом в темноте: в кино, на заднем сиденье его «Эскорта» или в парке, — и особо о чем-то поговорить времени у нас не было. Зато я хорошо помню, как он впервые сказал, что любит меня. Я тогда вся пошла мурашками, ощущая буквально каждую клеточку своего тела. Первый раз в жизни я по-настоящему ожила. Я призналась, что тоже люблю его — безумно люблю. Что не могу ни есть, ни спать, не думая о нем.

По дому я тогда бродила как во сне, и мама говорила, что с моей стороны это какая-то «одержимость». Не знаю точно, что она под этим подразуме-